

Память об экспедиции А. Бековича-Черкасского в русско-хивинских отношениях XVIII–XIX вв.¹

Р.Ю. Почекаев

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования воспоминаний о трагической судьбе экспедиции А. Бековича-Черкасского (1717 г.) в отношениях между Российской империей и Хивинским ханством в XVIII–XIX вв. Автор анализирует способы использования мотива гибели экспедиции при выработке отдельных направлений российской политики в русско-хивинских отношениях и в Средней Азии в целом. О гибели экспедиции вспоминали или ссылались на опыт А. Бековича политики и дипломаты, военные и торговцы. В течение длительного времени память об экспедиции сохранялась и в Хиве, правители которой то старались загладить свою вину перед российскими властями, опасаясь мести, то, напротив, использовали воспоминания о гибели экспедиции как средство дипломатического давления на Россию. В некоторой степени использовался мотив гибели А. Бековича и другими центральноазиатскими государствами, стремившимися повлиять на русско-хивинские отношения. Автор приходит к выводу, что воспоминания о судьбе Бековича-Черкасского и его отряда еще и во второй половине XIX в. являлись эффективным средством формирования отдельных направлений среднеазиатской политики Российской империи.

Ключевые слова: А. Бекович-Черкасский, Российская империя, Хивинское ханство, русская Средняя Азия, русско-хивинские отношения, российская дипломатия, записки русских путешественников.

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16, ropot@mail.ru.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00322.

Memories on Alexander Bekovich-Cherkasskiy Expedition in Relations Between Russian-Khivan Relations of 18th–19th Centuries

R.Yu. Pochekaev

Abstract. The article is devoted to the problem of using memories on the tragedy of Alexander Bekovich-Cherkasskiy expedition (1717) in relations between the Russian Empire and Khivan Khanate in the 18th–19th century. The author analyses the ways of using the motive of expedition death to make decisions on different issues of the Russian-Khivan relations and Russian policy in Central Asia. Russian politicians and diplomats, military leaders and merchants remembered the expedition death and referred to A. Bekovich experience. For a long time reminiscence of the expedition was saved in Khiva, and its rulers were trying to make amends to for the Russian authorities (fearing the revenge) or, on the contrary, used it as instrument of pressure on Russian diplomats. To a certain extent the motive of A. Bekovich death was also used by other Central Asian states which tried to influence the Russian-Khivan relations. The author concludes that a memory on A. Bekovich expedition in the second half of the 19th century was an effective instrument to form specific directions of the Russian policy in Central Asia.

Keywords: Alexander Bekovich-Cherkasskiy, Russian Empire, Khivan Khanate, Russian Central Asia, Russian-Khivan Relations, Russian diplomacy, memoirs of Russian travellers.

Pochekaev Roman Yu., Candidate of Science (Law), Associate Professor, Head of Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg campus), 16, Soyuza Pechantnikov Str., St. Petersburg, 190008, Russia, ropot@mail.ru.

Гибель экспедиции Александра Бековича-Черкасского в 1717 г., несомненно, произвела глубокое впечатление на царя Петра I и российские власти в целом. В самом деле, первая же попытка сделать Россию влиятельным игроком на центрально-азиатской политической арене завершилась катастрофой: был частично уничтожен, частично пленен многочисленный отряд, построенные А. Бековичем крепости вскоре были оставлены и разрушены, безопасность границы России с государствами и народами Центральной Азии существенно ослабла, да и в целом, активность российских центральных и пограничных властей в регионе была, по сути, свернута [Дело... 1871, стб. 326–400; Ниязматов, 2010, с. 47; Андреев, 2013, с. 271–272].

Судьбе экспедиции А. Бековича-Черкасского посвящено немало работ, что и неудивительно, учитывая, насколько важные и разнообразные цели она преследовала – дипломатические, военно-политические, экономические и даже научно-исследовательские. Также большой интерес исследователей вызывают противоречивые сведения о причинах гибели отряда А. Бековича-Черкасского, которые до сих пор так точно и не установлены. Нас же в рамках настоящего исследования интересует, как судьба экспедиции повлияла на дальнейшее развитие взаимоотношений Российской империи с Хивинским ханством в частности и на российскую имперскую политику в Центральной Азии в целом.

Конечно же, первыми, кто испытал на себе последствия катастрофы 1717 г., стали российские дипломаты, отправлявшиеся с миссиями в Центральную Азию. Первый же посланник Петра I в Среднюю Азию, уроженец Дубровника Флорио Беневени, побывавший в регионе в 1718–1725 гг., в своих реляциях царю неоднократно выказывал опасения, что может повторить судьбу А. Бековича, из-за чего наотрез отказывался ехать в конечный пункт своей миссии, Бухару, через Хиву: «Из-за учинившегося известного нещастья князя Черкасского ехать чрез Хиву до Бухары никоим образом невозможно» [Посланник... 1986, с. 18].

Капитан Н.Н. Муравьев (впоследствии – один из крупнейших военачальников Крымской войны, вошедший в историю как Муравьев-Карский), который совершил поездку в Хивинское ханство с дипломатическими целями в 1819–1820 гг., т.е. столетие спустя после А. Бековича, также опасался разделить его судьбу. Как он писал в рапорте своему начальнику майору М.И. Пономареву, находясь под стражей в крепости Ильгельды и не имея сведений о намерениях хивинских властей, он даже намеревался бежать оттуда, усмотрев в упоминаниях Бековича самими хивинцами намерение расправиться с ним так же, как некогда с последним [Рапорт... 1875, с. 709; Халфин, 1974, с. 113].

Невеселые воспоминания о судьбе А. Бековича присутствуют и в записках еще одного руководителя дипломатической миссии в Хиву – Г.И. Данилевского, побывавшего в ханстве в 1842 г. В своем отчете о поездке, составленной по возвращении, он, в частности, пишет: «Порсу – в 108 верстах на с.з. от Хивы... Это место возбуждает горестное воспоминание о предательском убийстве князя Бековича-Черкасского, который, после заключенного с хивинцами мирного договора, был

приглашен сюда с небольшою свитою на пир и, по окончании трапезы, убит вместе с прочими русскими, бывшими при нем» [Данилевский, 1851, с. 110]. Вряд ли подобное соображение было бы включено в описание поездки, если бы автор, находясь там, не испытал тех же опасений повторить судьбу Бековича, какие возникали и у его предшественников.

Еще один важный вопрос, внимание к которому многократно возросло в российских властных и дипломатических кругах после уничтожения отряда А. Бековича – это судьба русских пленных в Хиве и вообще в среднеазиатских ханствах. Эта проблема являлась актуальной для отношений России с ханствами Средней Азии уже с XVI в., т.е. со времени отправления первых московских посольств в Бухару и Хиву. Однако она оставалась нерешенной еще и на протяжении всего XVII в., поскольку попытки русских дипломатов договориться со среднеазиатскими монархами об их освобождении чаще всего заканчивались ничем.

Теперь, в связи с тем, что после разгрома отряда А. Бековича в Хиве появилось довольно значительное число русских пленников из его отряда, эта проблема вновь стала актуальной для российских властей, которые озаботились судьбой русских рабов в Средней Азии. Справедливости ради следует отметить, что пленные солдаты из отряда Бековича составляли отнюдь не большинство русских пленников в Хиве: практика захвата русских и продажи их в рабство в среднеазиатские государства началась уже в древности, и в начале XVIII в. ее осуществляли калмыки, каракалпаки, казахи [Материалы... 1881, с. 2]. Просто уничтожение отряда А. Бековича стало, наверное, самым резонансным событием в русско-среднеазиатских отношениях, и к тому же в результате его количество русских пленных в Хиве существенно возросло [Витевский, 1879, кн. 10, с. 207]. Поэтому неудивительно, что оно послужило отправной точкой для возобновления переговоров с монархами Средней Азии о судьбе русских невольников. Судьба солдат из отряда Бековича, попавших в плен, отслеживалась и неоднократно всплывала как в дипломатических документах, так и в других источниках – даже десятилетия спустя после разгрома экспедиции.

Так, например, поручик Д. Гладышев и геодезист И. Муравин, побывавшие в Хивинском ханстве в 1740–1741 гг., отмечали в отчете по итогам поездки, что в самой Хиве находится около 3000 пленных из отряда Бековича – «как русских, так калмык и иноземцов», а также около 500 человек в Аральском владении [Ханыков, 1851, с. 18].

Весьма интересным представляется сообщение о судьбе участников экспедиции А. Бековича, попавших в Хивинский плен, содержащееся в работе выдающегося историка Г.Ф. Миллера «Известие о песошном золоте в Бухарии...». Согласно его сведениям, в 1728 г. русские пленные приняли участие в восстании против хана Ширгази (который и приказал умертвить А. Бековича и его отряд). И хотя восстание было подавлено, сам хан во время этих беспорядков был убит [Миллер, 1760, с. 26–29].

Некоторое число пленников из отряда А. Бековича вскоре покинули Хиву. Согласно запискам сержанта Ф.С. Ефремова, попавшего пленником в Бухару в 1774 г. и вернувшегося в Россию через восемь лет, сто пленных были спасены от казни «хивинским хожой» (т.е. влиятельным представителем духовенства) и отправлены в Бухару, где местный хан сформировал из них отряд собственных телохранителей, причем «без них он никуда не выезжал». Сам Ефремов еще застал в Бухаре пятерых из них, достигших уже столетнего возраста [Странствование... 1811, с. 89, 94–95].

Несомненно, военная составляющая целей и задач экспедиции А. Бековича-Черкасского являлась наиболее значительной, поэтому неоднократно осмыслялась и современниками, и последующими государственными деятелями (дипломатами и военачальниками), равно как и военными историками. Так, уже Ф. Беневени, совершивший поездку в Среднюю Азию буквально «по горячим следам», т.е. сразу после гибели экспедиции Бековича, заявлял по итогам своего путешествия: «Мочно б легко сперва Хивою завладети, употребляя искусства и способы не таковы, какие употреблял бывший там князь Черкасской» [Посланник... 1986, с. 131].

Н.Н. Муравьев, поддерживая его точку зрения, также утверждал: «Неудачная даже экспедиция Князя Бековича еще более нас удостоверяет в возможности покорить Хиву; ибо он с весьма небольшими средствами достиг до оной, и не простительная лишь оплошность его была причиною что его изменнически захватили, умертвили и истребили отряд. Не обсуживая дел столь мало известных нам, казалось что хотя он и был обманом взят, но отряд его не был бы истреблен, если бы Князь Бекович имел более духа и не согласился на расположение его на отдаленные квартиры» [Путешествие... 1822, ч. II, с. 112].

Наиболее актуальными воспоминания о гибели экспедиции оказались во время подготовки и реализации так называемого «зимнего похода», который в 1839–1840 гг. осуществил против Хивы оренбургский военный губернатор В.А. Перовский. Уже в конце 1830-х гг., когда он только задумывал поход, представители центральных властей напоминали ему о судьбе экспедиции А. Бековича [Юдин, 1896, с. 422–423]. Позднее, во время похода, когда его участники столкнулись с трудностями, которых не ожидали, как писал военный историк генерал М.И. Иванин, «им начала представляться... тень Бековича, измученного в Хиве» [Иванин, 1874, с. 125].

Любопытно, что трагический опыт экспедиции А. Бековича-Черкасского вспоминался военными и не только в связи с военными действиями непосредственно против Хивы. Так, в 1870 г. во время восстания казахов Мангышлака (выступавших против очередной реформы управления в Казахстане, проводившейся в конце 1860-х гг.) мангышлакский пристав подполковник Рукин совершил ту же ошибку, что и Бекович: вступив в переговоры с восставшими, он решил сдаться, после чего его отряд был истреблен. Параллель с действиями Бековича была настолько очевидной, что даже его подчиненные, по свидетельствам участников событий, якобы говорили во время этих переговоров: «Сложите оружие; должно быть, нам на роду написано погибнуть, "как с Бекачем"» [Потто, 1900, с. 126]. Аналогичным образом

провел параллель между Бековичем и Рукиным военный историк М.А. Терентьев, писавший вскоре после происшедших событий: «Рукин повторил в миниатюре все ошибки Бековича-Черкасского» [Терентьев, 1875, с. 103]. Характерно, что М.Д. Скобелев, возглавляя военную экспедицию против ахалтекинских туркмен в 1880–1881 гг., советовал подчиненным при вступлении в контакт с местным населением: «При всем том, как бы небосклон не представлялся безнадежно радостным, тем крепче держите камень за пазухой. Помните князя Бековича-Черкасского, подполковника Рукина...» [Михаил Дмитриевич Скобелев... 1883, с. 413].

Впрочем, со временем, по мере продвижения России в Среднюю Азию, т.е. фактической ликвидации негативных последствий гибели экспедиции А. Бековича, отрицательные оценки результатов его экспедиции стали дополняться и положительными. В какой-то мере начало этой тенденции положил Н.Н. Муравьев в вышеприведенном суждении о том, что именно его экспедиция показала, что захватить Хиву можно. Еще одним примером апологии Бековича является, пожалуй, высказывание генерал-лейтенанта Н.А. Веревкина, наказного атамана Уральского казачьего войска, который на торжественном обеде в честь его возвращения из хивинского похода 20 июля 1873 г. заявил: «Поистине надобно удивляться, как удалось Бековичу достигнуть Хивы и привести туда несколько человек живыми...» [Витевский, 1879, кн. 8, с. 387].

Наряду с осмыслением ошибок А. Бековича, военные – иногда официально, а иногда и как бы «подсознательно» – в течение более чем полутора веков культивировали идею «мести» за него хивинцам, т.е. своеобразного реванша в противостоянии с Хивой. Наверное, первым его отражением стало вышеупомянутое сообщение Г.Ф. Миллера о восстании русских пленных против Ширгази в 1728 г., которое начинается словами: «По прошествии десяти лет лукавому хану хивинскому отмщено было за такое бесчеловечие теми же россиянами, которых он полонил при оном и при других случаях» [Миллер, 1760, с. 26]. Такой мотив и присутствует в действиях отряда В.А. Перовского во время вышеупомянутого «зимнего похода» 1839–1840 гг. [Morrison, 2014, p. 282]. Позднее, уже в 1870 г., туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман в письме директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел П.Н. Стремоухову отмечал: «Основываясь на исторических фактах 1717 и 1839 гг. (имеются в виду экспедиции А. Бековича-Черкасского и В.А. Перовского. – *Р.П.*) и рассчитывая на неудобопроходимые степи, отделяющие ее от грозного соседа и дважды спасавшие от гибели, Хива считает себя неуязвимой в отношении к нам...» [цит. по: Халфин, 1965, с. 303–304]. Тем самым он давал понять центральным властям Российской империи, что «реванш» за два предыдущие поражения совершенно необходим.

И уж конечно весьма актуальным оказались воспоминания о судьбе Бековича и его солдат во время похода войск под предводительством того же Кауфмана на Хиву в 1873 г. – в особенности, когда победа русского оружия стала уже очевидной. О намерении русских солдат «отомстить варварам за их вероломный поступок», т.е. истребление отряда князя Бековича-Черкасского, упоминает участник похода

Е. Саранчов [Хивинская экспедиция... 1874, с. 1–2]. Американский корреспондент Д.А. Мак-Гахан, участвовавший в походе, упоминает об интересе российских солдат, вошедших в Хиву, к гробнице хана Ширгази – именно как виновника гибели А. Бековича и его отряда [Военные действия... 1875, с. 217–218]. Характерным отражением этого мотива «реванша» можно считать пассаж из «Истории завоевания Средней Азии» М.А. Терентьева: «Русский отряд у ворот Хивы можно рассматривать как гвардию, приставленную к хану по завещанию Петра I. Пусть вспомнит читатель, что отряд Бековича-Черкасского, по указу Петра Великого, должен был убедить хивинского хана и бухарского эмира принять для охраны русскую гвардию. Бекович не убедил. Убедил Кауфман» [Терентьев, 1906, с. 297]. Наконец, уже в 1874 г. в письме туркестанскому генерал-губернатору Кауфману начальник Амударьинского отдела Н.А. Иванов (впоследствии – и сам генерал-губернатор Туркестанского края), сообщая о карательной экспедиции против туркмен, как бы мимоходом сообщает о вступлении отряда в «Старое Порсу, в котором, по преданию, изменнически умерщвлен и похоронен отряд Бековича-Черкасского» [Присоединение... 1960, с. 132], снова подразумевая, что русским войскам наконец-то удалось отомстить за давнее поражение. Это лишний раз показывает, что память об экспедиции А. Бековича в течение долгого времени сохранялась и, по-видимому, даже культивировалась в войсках, служивших в русской Средней Азии, коль скоро даже в официальном рапорте русский военачальник упоминает о ней.

Вместе с тем нельзя сказать, что в глазах современников и потомков судьба отряда А. Бековича-Черкасского осталась лишь из-за его сокрушительного разгрома. Как упоминалось выше, цели и задачи экспедиции были весьма многочисленны и разнообразны, и за два года пребывания в регионе, предшествовавшие его гибели, Бековичу удалось многие из них небезуспешно решить, включая изучение сухопутных и речных маршрутов, исследование местной географии и топографии, строительство крепостей и поселений. Неудивительно, что русские дипломаты, путешественники, военные и вскоре после экспедиции Бековича, и многие десятилетия спустя обращались к опыту Бековича в рамках реализации различных направлений политики Российской империи в Средней Азии.

Например, посол Петра I Флорио Беневени ссылался на действия А. Бековича не только в дипломатическом, военном, но и в чисто организационном контексте: например, когда возникла необходимость выделения средств курьеру, он обратился к опыту Бековича, выяснив, что тот выделял курьерам по 10 руб., что, по мнению дипломата, было слишком мало [Посланник... 1986, с. 34]. Самарский купец Данила Рукавкин, во главе торгового каравана побывавший в Хиве в 1753 г., в своих записках по итогам поездки отметил, что двигался фактически по пути, проложенному и описанному Бековичем [Руссов, 1840, с. 34–35]. Также и участники хивинского похода 1873 г. двигались по пути Бековича-Черкасского [Хивинская экспедиция... 1874, с. 9].

Любопытно, что на опыт Бековича ссылались не только дипломаты, военные и путешественники, но и экономисты. Так, например, генерал С.А. Хрулев, как и Н.Н. Муравьев-Карский, являвшийся героем Крымской войны, но в дальнейшем

заявившийся предпринимательской деятельностью, с конца 1850-х гг. разрабатывал (и в 1863 г. опубликовал) проект по созданию Товарищества для развития торговли со Средней Азией. Указывая места для потенциальных торговых факторий, он ссылался на опыт А. Бековича, который еще в 1716 г. построил укрепление в Балханском заливе, на восточном берегу Каспийского моря [Хрулев, 1863, с. 36].

Остатки укреплений А. Бековича, оставленных русскими и уничтоженных вскоре после гибели его отряда, тем не менее сохранились, и информация о них периодически оказывалась востребованной в контексте развития военной инфраструктуры Российской империи на восточном берегу Каспийского моря. Так, еще в 1836 г. И.Ф. Бларамберг, проводя топографические исследования в этом регионе, упомянул об этих остатках укреплений в Красноводском заливе [Бларамберг, 1850, с. 75]. Как известно, впоследствии именно здесь был основано в 1869 г. Красноводское укрепление, ставшее одним из плацдармов для будущего вторжения российских войск в Хивинское ханство.

Любопытно отметить, что созидательная деятельность А. Бековича-Черкасского, т.е. возведение им крепостей и строительство населенных пунктов, произвела весьма глубокое впечатление на местное население – в частности, казахов и туркмен, в т.ч. и признававших сюзеренитет Хивинского ханства. Причем со временем факты обрастали все новыми деталями, превращаясь уже в своего рода степные предания. Так, Н.Н. Муравьев упоминает, что в устье Амударьи сохранились остатки русской избы, построенной, вероятно, во время экспедиции Бековича: «о построении коей даже и старики не имеют никакого предания; окрестные же жители по сию пору не смеют ломать оной, имея к ней таинственной страх и почтение» [Путешествие... 1822, ч. I, с. 76]. Е.Б. Килевейн, участник посольства Н.П. Игнатьева в Бухару и Хиву в 1858 г., сообщает о некоей «четырёхугольной, пирамидальной башне» у Айбугирского озера: «Эта башня, по словам туземцев, построена князем Бековичем, который, как известно, отправился в 1717 г. по поручению Петра Великого в Хиву, где и погиб со всеми спутниками. (Он был умерщвлен в г. Порсу, в 100 верстах на с.-з. от Хивы). Говорят, что подобных башен много в Ханстве и все они приписываются князю Бековичу. Но этому трудно верить, ибо он едва ли имел возможность заниматься подобными постройками во время своего похода» [Килевейн, 1861, с. 95–96]. Сходное сообщение приводит и участник хивинского похода 1873 г. Е. Саранчов: «На террасе, непосредственно возвышающейся над укреплением, находится сплошная постройка, сложенная из необтесанных кусков камня; она представляется в виде усеченной четырехгранной пирамиды, сторона основания которой, также как и высота, около 3 саж. Что касается до ее назначения, то она, вероятно, играла роль сторожевой башни. Опрошенные мною киргизы отозвались об этом укреплении как о постройке русских (кн. Бековича-Черкасского), хотя едва-ли это верно, так как отряд Бековича прошел значительно южнее» [Хивинская экспедиция... 1874, с. 81].

Как видим, не только для русских, но и для жителей Средней Азии поход А. Бековича-Черкасского был заметным событием, которое надолго осталось в их памяти

и даже (что, впрочем, характерно для степных традиций) стало со временем трансформироваться в нечто вроде предания.

Соответственно, теперь следует обратиться к тому, как судьба экспедиции А. Бековича-Черкасского отразилась на позиции «контрагента» России по дипломатическим отношениям – Хивинского ханства. Сразу стоит отметить, что эта позиция в течение долгого времени оставалась весьма противоречивой.

С одной стороны, хивинские правители опасались мести русских за расправу с отрядом А. Бековича – и, как мы отметили выше, не без оснований. Поэтому вскоре после трагических событий гибели отряда вместе с его предводителем хивинский хан Ширгази попытался восстановить мирные отношения с Россией, направив Петру I свой ярлык, в котором излагал свою версию событий, фактически выражал сожаление о происшедшем и намерение установить мирные и дружеские отношения [Архив востоковедов ИВР РАН, разряд № II, оп. № 6, ед. хр. 55]. С той же целью он неоднократно слал приглашения Флорио Беневени, посланнику Петра I, ехать в Бухару через его владения и даже обещал обеспечить охрану на обратном пути вплоть до Астрахани, «дабы через такую услугу желаемый мир получить» [Посланник... 1986, с. 88].

Опасения, что русские придут и отомстят за убийство А. Бековича, надолго пережили виновника его убийства – хана Ширгази [Попов, 1853, с. 56–58, 64–82]. Прошло сто лет, и когда в Хиву в 1819 г. направился с дипломатической миссией капитан Н.Н. Муравьев, хан Мухаммад-Рахим (из совершенно другой династии Кунгратов, не связанной с той, к которой принадлежал Ширгази) вообразил, «что Русские пришли в Хиву для отмщения за кровь Бековича» [Путешествие... 1822, ч. I, с. 93]. Такое же опасение высказывали приближенные хана Алла-Кули, сына и преемника Мухаммад-Рахима: общаясь с попавшим в хивинский плен во время «зимнего похода» В.А. Перовского корнетом М.-Ш. Аитовым они говорили: «Как ты смело разговариваешь, что русское правительство не требует удовлетворения... за Девлет-Гирея (А. Бекович-Черкасский в Хиве упоминался под его прежним именем, которое он носил до крещения. – *Р.П.*)... Не может быть, чтобы это осталось без взыскания» [Цыпляев, 1911, с. 241].

Когда же российские войска в 1873 г. вторглись в Хиву, не только они сами «мстили, за Бековича», но и хивинские подданные рассматривали их действия именно так. Например, когда в мае 1873 г. отряд вышеупомянутого генерала А.Н. Веревкина взял и разорил город Мангит, местное население расценило его действия именно как «возмездие за истребление отряда Бековича-Черкасского в 1717 г.» [Костенко, 1887, с. 145].

Но с другой стороны, хивинские ханы, стремясь загладить вину за убийство А. Бековича и восстановить мир с Россией, в то же время периодически начинали обвинять в трагедии самих русских вообще и Бековича в частности. Так, например, тот же Ширгази, который всячески старался склонить к восстановлению мир-

ных отношений Петра I – и в личной переписке, и через посредство его посла Ф. Беневени, в то же время вдруг неожиданно начинал обвинять Бековича в намерении захватить Хиву, а впоследствии договорился до того, что вообще приписал ему намерение занять хивинский трон [Посланник... 1986, с. 67, 115–116]!

Когда в Хиве в 1858 г. оказался российский посол полковник Н.П. Игнатьев, он и члены его миссии столкнулись с крайне враждебным отношением со стороны местного населения: «всякий, проходящий мимо русских на улице или перед помещением нашим, хивинец считал себя в праве и обязанным ругать нас и рассыпать угрозы, по нашему адресу, напоминая нам об участии отряда Бековича-Черкасского» [Миссия... 1897, с. 149]. Несомненно, в глазах подавляющей массы хивинцев вероломная расправа с русским отрядом являлась героическим поступком. Об этом можно судить, в частности, на основании сообщения хивинского историка Муниса (ум. 1829): «В год курицы Даулат-Гирей (А. Бекович-Черкасский. – Р.П.) и Андрей Губернатор с тридцатью тысячами русских с намерением овладеть Хорезмом [прибыли] к горам Шейх-Джалил-таги, в которых находятся золотые и серебряные рудники, и с этими помыслами остановились на границах Арала. Для защиты хан назначил с бесчисленным войском конграта Кул-Мухаммад-аталыка и наймана Эмир-Аваз-инака. Они заключили с Даулат-Гиреем перемирие и под предлогом угощения отправили врагов святой веры в пекло преисподней» [Shir Muhammad Mirab Munis, Muhammad Riza Mirab Agahi, 1999, p. 57–58]. Характерно, что историк вдесятеро преувеличил численность отряда Бековича – вероятно, чтобы победа хивинцев над ним выглядела более впечатляющей!

Таким образом, с одной стороны, хивинцы в течение длительного времени опасались мести русских за убийство Бековича и его солдат, однако, с другой стороны, сами же использовали память о нем как средство дипломатического давления на российских дипломатов.

Не только хивинцы, но и другие тюрко-монгольские государства Средней Азии и прилегающих регионов нашли возможность задействовать память об экспедиции А. Бековича в своей политике в отношении друг друга и России.

В частности, попытались использовать память о расправе с Бековичем в своих интересах правители так называемого Аральского владения – особого региона Хивинского ханства, которое в течение нескольких столетий находилось в конфронтации с ханами, правившими в Хиве [Почекаев, 2015]. Так, во время миссии Ф. Беневени с ним связались эмиссары Шах-Тимура, правителя Аральского владения и претендента на хивинский трон, которые уверяли его, что если им удастся свергнуть хана Ширгази, то они выдадут его русским: «Ежели живого в руки получим, пошлем к белому царю, дабы над ним то же учинил, что и оной над князем Бековичем, а не так, голову его пошлем» [Посланник... 1986, с. 69].

Не осталось в стороне и Бухарское ханство – главный соперник Хивы в борьбе за гегемонию над Средней Азией. Во время пребывания там Ф. Беневени бухарские

сановники неоднократно внушали ему, что хивинский хан и его казнит также как и Бековича, поэтому ехать в Хиву и, тем более подписывать с ней мир не следует [Посланник... 1986, с. 85, 94–97, 100]. А Петру I в 1724 г. через того же Беневени была передана грамота бухарского хана Абулфайза, который заявлял, что поддерживает аральского правителя Шах-Тимура и вообще намерен воевать с ханом Ширгази едва ли не в отмщение за убийство А. Бековича [Сборник... 1879, с. 559]!

Наконец, еще одним игроком на среднеазиатской арене, связанным с судьбой экспедиции А. Бековича-Черкасского и получившим определенные выгоды от нее, стало Калмыцкое ханство. Знаменитый хан Аюка, по утверждению и современников, и историков, незадолго до роковой экспедиции просил А. Бековича помочь ему в отражении набегов кубанских татар, на что тот отвечал, что не может это сделать без распоряжения царя. Хан якобы затаил злобу и предупредил хивинского хана об экспедиции, что позволило тому подготовиться к отпору. Тем самым Аюка стал одним из виновников гибели Бековича и его отряда [Бичурин, 1834, с. 184–185]. А бухарский посол при царском дворе даже сообщил, будто он сам видел послание Аюки хивинскому хану, о чем уведомил и самого А. Бековича [Сборник... 1879, с. 465–466]. Участие Аюки в событиях 1717 г. косвенно подтверждается тем фактом, что первые контакты с российскими властями после гибели отряда Бековича хивинский хан осуществлял именно через калмыков – посланцев Аюки при его дворе [Посланник... 1986, с. 67]. Впрочем, как показали дальнейшие отношения Петра I с калмыцким ханом, его вина (даже если она и имелась) никак не повлияла на русско-калмыцкие взаимоотношения.

Итак, можно отметить, что воспоминания об экспедиции А. Бековича-Черкасского в течение длительного времени не просто сохранялись в памяти потомков, но и активно использовались для решения различных задач – политических, дипломатических, военных и даже экономических. Можно выделить три основных способа их использования.

Первый, который можно условно охарактеризовать как «научный», – это рассмотрение экспедиции как политиками, так и учеными-исследователями в общем контексте истории продвижения России в Среднюю Азию. В таком виде память об экспедиции Бековича могла использоваться для выработки общей концепции среднеазиатской политики России или идеологического обоснования конкретных шагов.

Второй, который мы характеризуем как «практический», – это осмысление опыта Бековича, использование результатов его действий политиками и дипломатами, военными, экономистами и торговцами.

Наконец третий способ, который можно обозначить как «дипломатический», – это упоминания о судьбе экспедиции А. Бековича как русскими дипломатами в отношениях с Хивой, так и самими хивинцами и даже представителями других среднеазиатских государств, для которых судьба экспедиции также порой являлась предлогом для принятия тех или иных внешнеполитических решений. ►

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андреев А.А. Хива и Россия в начале XVIII века, или история одной несостоявшейся провинции // Столицы и провинция. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года. СПб.: Европейский дом, 2013. С. 259–272.

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Разряд № II. Оп. № 6. Ед. хр. 55. 4 л.

Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Типография Медицинского департамента МВД, 1834. 266 с.

Бларамберг И.Ф. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 4. 1850. С. 49–120.

Витевский В.И. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. Кн. 8. С. 377–428; Кн. 10. С. 203–241.

Военные действия на Оксусе и падение Хивы. Сочинение Мак-Гахана. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1875. 304 с.

Данилевский Г.И. Описание Хивинского ханства // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 5. СПб., 1851. С. 62–139.

Дело 1714–1718 годов, об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя Александра Бековича Черкасского на Каспийское море и в Хиву // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. I / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1871. Стб. 197–400.

Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 г. СПб.: Общественная польза, 1874. 267 с.

Килевейн Е.Б. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856–1860 // Записки Императорского Русского географического общества. 1861. Кн. 1. СПб., 1861. Отд. II. С. 95–108.

Костенко Л. Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии // Военный сборник. 1887. № 10. С. 139–160.

Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Вып. 7: Веселовский Н. Русские невольники в среднеазиатских ханствах. СПб., 1881. 11 с.

Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлений и о строении крепостей по реке Иртыше // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Генварь 1760 г. С. 3–54.

Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897. 278 с.

Михаил Дмитриевич Скобелев в его письмах и распоряжениях в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 г. Сообщ. А.Ф. Арцишевский и И.А. Чанский // Русская старина. 1883. № 5. С. 387–432.

Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 496 с.

Попов А. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1853. 188 с.

- Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М.: Наука, 1986. 159 с.
- Потто В.А. Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник. 1900. № 7. С. 110–135.
- Почекаев Р.Ю. К истории «буферных государств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях. XVIII–XIX вв. // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 12–18.
- Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. 824 с.
- Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: Типография Августа Семена, 1822. Ч. I. 182 с.; Ч. II. 145 с.
- Рапорт кап. Муравьева 4-го майору Пономареву, от 17 декабря 1819 года, № 50 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 709–710.
- Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен доныне. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1840. 56 с.
- Сборник князя Хилкова. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1879. 579+35 с.
- Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию / 3-е изд. Казань: Университетская типография, 1811. 160 с.
- Терентьев М.И. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1906. 547 с.
- Терентьев М. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875. 361 с.
- Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
- Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974. 407 с.
- [Ханыков Я.В.] Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740-1741 годах Гладышевым и Муравиным. СПб.: Типография МВД, 1851. 85+4 с.
- Хивинская экспедиция 1873 г. Записки очевидца, сапера Е. Саранчова. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1874. 186 с.
- Хрулев С. Проект устава Товарищества для развития торговли со Среднею Азиею. СПб.: Изд. «Журнала мануфактур и торговли», 1863. 48 с.
- Цыпляев П.И. Рукописи С.Н. Севастьянова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXIII. Оренбург: Типо-лит. Т-ва «Каримов, Хусаинов и Ко», 1911. С. 190–261.
- Юдин П.Л. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. Т. LXXXVI. 1896. С. 409–429.
- Morrison A. Twin Imperial Disasters. The invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British official mind, 1839–1842 // Modern Asian Studies. Vol. 48. Iss. 1. Jan. 2014. P. 253–300.

Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi. *Firdaws al-iqbal: History of Khorezm* / Transl. from Chagat. & annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. LXXVII+718 p.

REFERENCES

- Andreev A.A. Khiva i Rossiya v nachale XVIII veka, ili istoriya odnoy nesostoyavsheysya provintsii [Khiva and Russia at the beginning of the 18th century, or history of one might-have-been province], in *Stolitsy i provintsiya. Materialy IV Mezhdunarodnogo kongressa petrovskikh gorodov. Sankt-Peterburg, 8–9 iyunya 2012 goda* [Capitals and province: Proceedings of International Congress of Petrine cities, St. Petersburg, June 8–9, 2012]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom, 2013. P. 259–272 (in Russian).
Arkhiv vostokovedov Instituta vostochnykh rukopisey RAN (AV IVR RAN). *Razryad № II. Op. № 6. Ed. khr. 55. 4 I* [Archive of orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS. Cat. No. 2. Inv. No. 6. Dos. 55] (in Russian).
Bichurin N.Ya. *Istoricheskoe obozrenie oyratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni* [Survey of Oyrats or Kalmyks since the 15th century until the present]. St. Petersburg: Medicinskogo departamenta MVD print. house, 1834. 266 p. (in Russian).
Blaramburg I.F. *Topograficheskoe i statisticheskoe opisanie vostochnogo berega Kaspiyskogo morya ot Astrabadskogo zaliva do mysy Tyuk-Karagana* [Topographic and statistic account of the eastern coast of Caspian Sea from Astrabad gulf to cape Tyuk-Karagan], in *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. 4* [Proceedings of the Imperial Russian Geographic Society, vol. 4]. 1850. P. 49–120 (in Russian).
Vitevskiy V.I. *Yaitskoe voysko do poyavleniya Pugacheva* [Yaik military forces before appearance of Pugachyov], in *Russkiy arkhiv* [Russian Archive]. 1879. Vol. 8. P. 377–428; Vol. 10. P. 203–241 (in Russian).
Voennye deystviya na Oksuse i padenie Khivy. Sochinenie Mak-Gakhana [Campaigning on the Oxus, and the fall of Khiva, by MacGahan]. Moscow: Universitetskaya print. house (Katkov i K°), 1875. 304 p.
Danilevskiy. *Opisanie Khivinskogo khanstva* [Description of Khivan Khanate], in *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 5. St. Petersburg, 1851. P. 62–139 (in Russian).
Delo 1714–1718 godov, ob otpravlenii leyb-gvardii Preobrazhenskogo polka kapitan-poruchika knyazya Aleksandra Bekovicha Cherkasskogo na Kaspiyskoe more i v Khivu [File of 1714–1718 on sending of Alexander Bekovich Cherkasskiy, lieutenant commander of Life Guards to Caspian Sea and Khiva], in *Materialy Voenno-uchenogo arkhiva Glavnogo shtaba. Vol. I / Pod red. A.F. Bychkova* [Materials of Naval Archive of General Staff, ed. by A.F. Bychkov]. St. Petersburg: V.I. Golovina print. house, 1871. Col. 197–400 (in Russian).
Ivanin M. *Opisanie zimnego pokhoda v Khivu v 1839–1840 g.* [Description of Khivan winter campaign in 1839–1840]. St. Petersburg: Obshhestvennaya pol'za Publ., 1874. 267 p. (in Russian).
Kilevyn E.B. *Otryvok iz puteshestviya v Khivu i nekotorye podrobnosti o khanstve vo vremya pravleniya Seid-Mokhammed Khana, 1856–1860* [Extract from the travel to Khiva and some details on the Khanate during the reign of Seyid Muhammad Khan, 1856–1860], in *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1861. Kn. 1* [Proceedings of Im-

- perial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1861. Sect. II. P. 95–108 (in Russian).
- Kostenko L. Istoricheskiy ocherk rasprostraneniya russkogo vladychestva v Sredney Azii [Historical Essay on spreading of Russian dominion in Central Asia], in Voennyi sbornik [Military Collection]. 1887. № 10. P. 139–160 (in Russian).
- Materialy dlya opisaniya Khivinskogo pokhoda 1873 g. Vyp. 7: Veselovskiy N. Russkie nevol'niki v sredneaziatskikh khanstvakh [Materials to describe the Khivan campaign of 1873, vol. 7: Russian slaves in Central Asian khanates, by N. Veselovskiy]. St. Petersburg, 1881. 11 p. (in Russian).
- Miller G.F. Izvestie o pesoshnom zolote v Bukharii, o chinennykh dlya onago otpravleniyakh i o stroenii krepostey po reke Irtyshe [Information on gold dust in Bukhara, on dispatches to get it and on building fortresses on Irtysh river], in Sochineniya i perevody k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie. Genvar' 1760 g. [Essays and translations for use and pleasure, January 1760]. P. 3–54 (in Russian).
- Missiya v Khivu i Bukharu v 1858 g. fligel'-ad'yutanta polkovnika N. Ignat'eva [Mission to Khiva and Bukhara of aide-de-camp colonel N. Ignat'ev]. St. Petersburg, 1897. 278 p. (in Russian).
- Mikhail Dmitrievich Skobelev v ego pis'makh i rasporyazheniyakh v Akhal-Tekinskoy ekspeditsii 1880–1881 g. Soobshch. A.F. Artsishevskiy i I.A. Chanskiy [Mikhail D. Skobelev in his letters and instructions during the expedition to Akhal-Teke, 1880–1881, presented by A.F. Artsyshevskiy and I.A. Chanskiy], in Russkaya starina [Russian Antiquity]. 1883. № 5. P. 387–432 (in Russian).
- Niyazmatov M. Poisk konsensusa. Rossiysko-khivinskie geopoliticheskie otnosheniya v XVI – nachale XX v. [In search of consensus. Russian-Khivan geopolitical relations in the 16th – beginning of the 20th cc.]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2010. 496 p. (in Russian).
- Popov A. Snosheniya Rossii s Khivoyu i Bukharoyu pri Petre Velikom [Relations of Russia with Khiva and Bukhara during the reign of Peter the Great]. St. Petersburg: Imp. Akademii nauk print. house, 1853. 188 p. (in Russian).
- Poslannik Petra I na Vostoke. Posol'stvo Florio Beneveni v Persiyu i Bukharu v 1718–1725 godakh [Ambassador of Peter I in Orient. Mission of Florio Beneveni to Persia and Bukhara in 1718–1725]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 159 p. (in Russian).
- Potto V.A. Gibel' otryada Rukina v 1870 godu [Death of Rukin in 1870], in Istoricheskiy vestnik [Historical Herald]. 1900. № 7. P. 110–135 (in Russian).
- Pochekaev R.Yu. K istorii «bufernykh gosudarstv» na granitsakh Rossii: Aral'skoe vladenie i ego rol' v russko-khivinskikh otnosheniyakh. XVIII–XIX vv. [On “buffer states” at Russian border: Aral region and its role in Russian-Khivan relations of 18th–19th cc.], in Vostochnyy arkhiv [Oriental Archive]. 2015. № 1 (31). P. 12–18 (in Russian).
- Prisoedinenie Turkmenii k Rossii (sbornik arkhivnykh dokumentov) [Joining of Turkmenia to Russia (Collection of archival documents)]. Ashkhabad: AN Turkmenskoy SSR Publ., 1960. 824 p. (in Russian).
- Puteshestvie v Turkmeniyyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh gvardeyskogo general'nogo shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov [Travel of Nicolas Murav'ev captain of guards of general staff sent to the country for negotiations to Turkmenia and Khiva in 1819 and 1820]. Moscow: Avgusta Semena print. house, 1822. Pt. I. 182 p.; Pt. II, 145 p. (in Russian).

- Raport kap. Murav'eva 4-go mayoru Ponomarevu, ot 17 dekabrya 1819 goda, № 50 [Report of captain N. Murav'ev to mayor Ponomarev of December 17, 1819, No. 50], in Akty, sobrannye Kavkazskoy arkhograficheskoy komissiiy [Acts collected by Caucasian Archeographical Commission]. Vol. VI. Pt. II. Tiflis, 1875. Pp. 709–710 (in Russian).
- Russov S. Puteshestvie iz Orenburga v Khivu samarskogo kuptsa Rukavkina v 1753 g. s priobshcheniem raznykh izvestiy o Khive s otdalennykh vremen donyne [Travel of the Samara merchant Rukavkin from Orenburg to Khiva in 1753 with additional information on Khiva since earliest times to the present]. St. Petersburg: Ministerstva vnutrennih del print. house, 1840. 56 p. (in Russian).
- Sbornik knyazya Khilkova [Collection of Prince Khilkov]. St. Petersburg: Br. Panteleevykh print. house, 1879. 579+35 p. (in Russian).
- Stranstvovanie Filippa Efremova v Kirgizskoy stepi, Bukharii, Khive, Persii, Tibete i Indii i vozvrashchenie ego ottuda cherez Angliyu v Rossiyu / 3-e izd. [Wandering of Philip Efremov in Kyrgyz Steppe, Bukhara, Khiva, Persia, Tibet and India and return to Russia through England, 3rd ed.]. Kazan': Universitetskaya print. house, 1811. 160 p. (in Russian).
- Terent'ev M.I. Istoriya zavoevaniya Sredney Azii [History of conquest of the Central Asia]. Vol. 2. St. Petersburg: V.V. Komarova print. house, 1906. 547 p. (in Russian).
- Terent'ev M. Rossiya i Angliya v Sredney Azii [Russian and England in the Central Asia]. St. Petersburg: P.P. Merkul'eva print. house, 1875. 361 p. (in Russian).
- Khalfin N.A. Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.) [Joining of Central Asia to Russia (60s–90s of the 19th c.)]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 468 p. (in Russian).
- Khalfin N.A. Rossiya i khanstva Sredney Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russian and Central Asian khanates (first half of the 19th c.)]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 407 p. (in Russian).
- [Khanykov Ya.V.] Poezdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 godakh Gladyshevym i Muravinym [Travel from Orsk to Khiva and back in 1740–1741 by Gladyshev and Muravin]. St. Petersburg: MVD print. house, 1851. 85+4 p. (in Russian).
- Khivinskaya ekspeditsiya 1873 g. Zapiski ochevidtza, sapera E. Saranchova [Khiva campaign of 1873. Notes of witness, field engineer E. Saranchov]. St. Petersburg: F. Sushhinskogo print. house, 1874. 186 p. (in Russian).
- Khrulev S. Proekt ustava Tovarishchestva dlya razvitiya torgovli so Sredneyu Azieyu [Project of charter of company to develop trade with Central Asia]. St. Petersburg: "Zhurnal manufaktur i torgovli" Publ., 1863. 48 p. (in Russian).
- Tsyplyaev P.I. Rukopisi S.N. Sevast'yanova [Manuscripts of S.N. Sevast'yanov], in Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Proceedings of Orenburg Scientific Archival Commission]. Vol. XXIII. Orenburg: T-va "Karimov, Husainov i Ko" print. house, 1911. P. 190–261 (in Russian).
- Yudin P.L. Graf V.A. Perovskiy v Orenburgskom krae [Count V.A. Perovskiy in Orenburg Region], in Russkaya starina [Russian Antiquity]. Vol. LXXXVI. 1896. P. 409–429 (in Russian).
- Morrison A. Twin Imperial Disasters. The invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British official mind, 1839–1842, in Modern Asian Studies. Vol. 48. Iss. 1. Jan. 2014. Pp. 253–300.
- Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / Transl. from Chagat. & annot. By Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln, Brill, 1999. LXXVII+718 p.